

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т. В. Аникеева

г. Минск, Беларусь

МЕТАФОРИЧНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Актуальные подходы к исследованию современного художественного текста определяют необходимость его интерпретации через исследование того структурного текстового пласта, который представляет собой подтекст. Несмотря на его сложность как элемента текстопостроения, определение и рассмотрение данного уровня выводит исследователя на уровень выявления скрытой в недрах текста информации, требующей дешифровки и интерпретации определенных смыслов. Отражение информации данного типа может находить свое выражение через языковые средства, носящие название прецедентных, которые имеют такие характерные черты, как значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, сверхличностность характера, под которой понимается известность широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и неоднократность обращения, понимаемая как способность к возобновляемости в дискурсе определенной языковой личности [1, с. 216]. В качестве одного из языковых средств, способных быть рассмотренными в широком эвристическом контексте и реализовываться с опорой на прежде добытое, фоновое знание, выступает метафора. В настоящий момент она представляет собой новый способ мышления о мире, опирающийся и использующий прежде добытое знание. Семиотический и логико-семантический подходы к ее определению отмечают выводной характер метафоры, предполагающий, что на основе некоторого, еще не четко определенного понятия формируется новый концепт за счет использования буквального значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций [2, с. 4].

Трактовка метафоры с герменевтической позиции предполагает ее рассмотрение не просто в качестве риторической фигуры экспрессивного характера для представления событий и персоналий, но также и как эффективного средства тексто- и смыслопостроения [3, с. 157]. Отмечается разделяемый как русскоязычными, так и зарубежными авторами подход к полифункциональности метафоры, находящий выражение в том, что в современном мире метафора широко встречается в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере человеческой деятельности; будучи представленной в значительном количестве подобных сфер, она всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка [4, с. 7].

С лингвистической точки зрения метафора может быть определена не только как троп, но и как механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений для характеристики или наименования объекта или объектов другого класса, аналогичного данному в каком-либо отношении [5, с. 296]. Выступающий на первый план в данном определении принцип аналогии понимается в лингвистике как процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой [Там же, с. 31]. Представляется, что для выявления особенностей функционирования метафорических языковых средств особую роль играет семантическое взаимодействие компонентов их значений, в то время как в формальном отношении может прослеживаться вариативность, обусловленная избранным типом номинации и его контекстной реализацией.

Современные подходы к когнитивному описанию метафоры базируются на исследовании интеракции двух когнитивных структур метафоры – области-источника (*source-domain*) и области-цели (*target-domain*), которая возможна при участии третьего элемента процесса метафоризации – образа [6, с. 9]. Важность данного элемента для процесса интерпретации обусловлена тем, что именно за счет образа становится возможным осуществление так называемой метафорической проекции, задающей возможность метафоризации как таковой. Образ присутствует в структуре метафоры, в качестве содержания, инвариантно затрагивающего обе интерактивные области. Зачастую образность, построенная на интуитивном чувстве сходства, представляется неотъемлемым элементом в практическом мышлении, определяющем поведение человека, как следствие, она находит свое отражение в повседневной речи. Таким образом, семантическая двойственность метафоры базируется на способности ассоциировать две различные категории объектов на основе апелляции к единому образу, что может прослеживаться, в том числе, в исследовании структурной основы прецедентного имени.

Описанный выше тип метафоризации ориентирован не столько на воспроизведение, сколько на создание метафорической связи заново, и, будучи реализованным в структуре прецедентного имени, не нарушает один из главных критериев определения прецедентного феномена, который заключается в его воспроизводимости. Характеристика одного из героев романа Э. Миллера включает следующий диалог: *How's your Romanian guy? Or was he Albanian or something? – Hungarian. – Right. Didn't you say he was some kind of old freedom fighter? A sort of **Che Guevara**?* 'Как поживает твой друг-румын? Или он вроде как албанец? – Он венгр. – Точно. Разве ты не рассказывал, что он раньше был борцом за свободу? Вроде **Че Гевары**?' (здесь и далее перевод наш. – Т. А.) [7, р. 84]. В данном случае сходство персонажа с известным латиноамериканским революционером реализуется, с одной стороны, с опорой на диффузный комплекс признаков, характерный

для прецедентного имени и понятный для обоих коммуникантов, но также и через апелляцию к единому, инвариантно присутствующему в сознании обоих говорящих образу борца за справедливость, что ведет к употреблению соответствующего прецедентного имени.

Особое значение в структуре реализации прецедентного явления может приобретать принцип алогичности сравнения, предполагающий возможность сравнивать на первый взгляд несопоставимые вещи [8, с. 367]. Употребление подобного типа сравнений, типичных для классической метафоры, позволяет привлечь внимание читателя и акцентировать его на необходимости дальнейшего переосмысления прецедентного включения с опорой на источник заимствования, что проиллюстрировано следующим примером: *Но, ясное дело, эти жлобы не знали Кольчиных правил, и, видать, привыкли всех подозревать в зависти, похоже, и сами прожили, завидуя кому-то другому, отсюда невидимому, и так опутали себя и детей своих подозрением, что выпутаться уже никак не могли в своем убогом Бермудском треугольнике между салом, солеными огурцами и домашней колбасой* [9, с. 15]. Первичное восприятие прецедентного наименования *Бермудский треугольник*, создающее эффект двусмысленности, осуществляется через отсылку к названию места, где происходят таинственные исчезновения морских и воздушных судов; тем не менее метафорическая трактовка данного включения с опорой на указанные признаки (*между салом, солеными огурцами и домашней колбасой*), способствует конкретизации атрибута, обеспечивающего введение прецедента в текст (количество указанных признаков отсылает к треугольной геометрической форме аномальной зоны, где происходят инциденты).

Одной из характерных черт метафоры является то, что, становясь более общеупотребительной, метафора вынуждена порвать с индивидуальным объектом и расширяет возможности своей сочетаемости с индивида до класса [8, с. 359]. Схожее свойство, заключающееся в возможности экстраполяции признака, зачастую дифференциального, лежащего в основе употребления имени, на другого референта, характерно для прецедентного явления: *Марине и прежде не раз приходило в голову, что Клумба ведет себя, будто свихнувшийся Чичиков, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов; так, разделяя со смертью ее пожатую собственность и тем ущемляя ее законные права, можно было бы достичь еще одного суррогата бессмертия, и, видимо, Клумба что-то такое и имела в виду, приватизируя полудохлое население восемнадцатого участка* [10, с. 165]. *Рядом с ним располагалась высокая женщина с идеальной фигурой Дианы, но с тяжелым бульдожьим лицом, на котором почти не мигали утомленные косметикой, будто начерченные въевшимся порошком, но очень-очень умные глаза* [Там же, с. 232]. Потенциал расширяемости, присущий как метафоре, так и прецедентному наименованию, способен реализовываться через обобщение и дальнейшее редуцирование и стереотипизацию представленного образа, что находит свое выражение в явлении нарицательности.

Как отмечает В. Н. Телия, существует более сложный и менее компактный тип значения, характерный для вторичных наименований. Данный тип предполагает, что ассоциация с образным содержанием подобных наименований не утрачена. В этом случае ассоциативно-образное основание выступает как образная гештальт-структура или редуцированный типовой образ [11, с. 130]. Образец подобного ассоциативно-образного основания, лежащего в основе употребления прецедентного наименования, продемонстрирован следующим примером: *Franklin's big aerosoled canvases were bought by image-conscious banks and dealers in New York like the Wildenstein family, while László's plays, with their insistence on the futility of action, began to seem prophetic, and drew first-night crowds of the chic and famous* 'Большие аэрозольные полотна Франклина покупали равнодушные к своему имиджу банки и дилеры Нью-Йорка, такие как Вильденштейны, в то время как пьесы Лазло, утверждающие тщетность суеты, начинали становиться пророческими и собирали толпы богатых и знаменитых на премьерах' [7, p. 21]. Репрезентированная в сознании представителя определенного лингвокультурного сообщества как редуцированный типовой образ (атрибутивное представление о вербальном поведении стереотипизированного пророка), прецедентность данного наименования позволяет выстраивать отсылки к христианским персоналиям ветхо-заветного периода, тем самым интертекстуально обогащая заимствующий художественный текст.

Необходимость установления ассоциативного признака, на основе которого осуществляется метафорический перенос, зачастую осложняется тем фактом, что языковое выражение прецедентной единицы содержит дополнительный суггестивный элемент, способствующий ее корректному, с точки зрения оценочности, осмыслению: *He leaned down, almost touching her. Then, like some tender ogre from the type of fairytale children were not supposed to read any more, he gently inhaled her breath* 'Он склонился, почти касаясь ее. Затем, словно заботливый великан из сказки, которых дети больше не читают, он осторожно вдохнул ее дыхание' [7, p. 5]. В данном случае наличие вербально эксплицированного суггестивного компонента *tender* (нежный, заботливый), присутствующего в составе номинативной единицы *tender ogre*, дополнительно способствует однозначности установления источника прецедентного явления (сказка «Себялюбивый гигант» О. Уайльда), когда отсутствие такого компонента отрицательно сказалось бы на установлении прецедентного характера единицы (в германской мифологии огры представляют собой жестоких великанов, пожирающих детей, попадающих к ним в руки [12]). Аналогичное прецедентное наименование *ogre*, имеющее в качестве сферы-источника мифологию и не содержащее поясняющего суггестивного элемента, встречается в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» («The Blind Assassin»): *Father realized he could not keep Mr. Erskine in the house after that without being considered an ogre* 'Отец понял, что не может позволить мистеру Эрскину остаться в доме без того, чтобы его не начали считать огром' [13]. Отсутствие суггестивного компонента в данном случае

может указывать на традиционность характера его отнесения к тому мифологическому и фольклорному материалу, который предполагает актуализацию негативных коннотаций данного прецедента.

Проанализированные примеры употребления прецедентных феноменов и сопоставительный анализ способов репрезентации метафорического значения в структуре прецедентного явления и собственно метафоры позволяют сделать некоторые выводы о различиях и сходствах реализации и функционирования данных языковых средств. Через использование творческого потенциала человека и апелляции к воображению носителя языка метафора способна выступать не только в качестве языкового средства, но и особого механизма, способствующего порождению смысла и установлению смысловых связей в структуре прецедентного явления. В наиболее общем смысле метафорическая интерпретация подразумевает актуализацию и использование прежде существующего знания, разделяемого значительным количеством представителей определенного лингвокультурного сообщества. Как классическая метафора, так и прецедентный феномен характеризуются апелляцией к устойчивому, имеющему когнитивное основание образу, представленному в виде инварианта, что далее, в случае использования прецедентного феномена, позволяет осуществить конкретизацию выбора определенного имени с опорой на набор свойственных ему признаков. Более сложным способом реализации образности, лежащей в основе метафорического переноса, является использование прецедентного явления с опорой на редуцированный типовой образ, содержащий стереотипный набор характеристик и реализуемый в тексте в качестве атрибутивного представления. Возможность дальнейшего редуцирования данного образа до строго ограниченного набора характеристик находит свое выражение в уменьшении степени прецедентности вплоть до утери ее атрибутивной природы и приобретении именем статуса нарицательного. Особая роль в установлении корректного признака, на основе которого происходит метафорический перенос, принадлежит использованию суггестивного элемента, способного влиять на оценочность и устанавливать однозначность источника, к которому происходит прецедентная апелляция.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. *Телия, В. Н.* Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 176 с.
3. *Васильева, С. Л.* Антропонимические метафоры в газетно-публицистическом дискурсе: функциональный аспект / С. Л. Васильева // Вестн. ТГПУ. – 2013. – № 3. – С. 157–160.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.

5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
6. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. *Miller, A.* Oxygen / A. Miller. – London : Hodder & Stoughton, 2001. – 336 p.
8. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
9. *Лиханов, А. А.* Никто / А. А. Лиханов. – СПб. : Астрель, 2002. – 336.
10. *Славникова, О.* Бессмертный / О. Славникова. – М. : Вагриус, 2004. – 270 с.
11. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.
12. Ogre [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/ogre>. – Date of access: 22.04.2020.
13. *Atwood, M.* The Blind Assassin [Electronic resource] / M. Atwood. – Mode of access: http://indbooks.in/mirror1/?page_id=100120. – Date of access: 30.04.2020.

Е. И. Будникова

г. Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА МЕТАФОРЫ В МЕТАФТОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Соединение механизмов метафоры и метонимии при формировании значения того или иного комплексного языкового выражения является благодатной почвой для многих исследований (см. работы Л. Гуссенса, Дж. А. Барндена, А. Барселона, Д. Герартса, Р. Дирвена, З. Ковечеша, Г. Раддена, Ф. Руиза де Мендозы, М. Тернера, Р. А. Устарханова, К. Фейэртса, Ж. Фоконье и др.). Это объясняется отчасти сложностью анализа такой комбинаторики и, соответственно, отсутствием единственно возможной объяснительной теории, а также спецификой реализации метафтонимии на уровне отдельных слов, словосочетаний и текста.

Изучая комбинаторику метафоры и метонимии в значениях комплексных выражений, ученые, как правило, основываются на сопоставлении так называемого буквального значения выражения (выводимого из внутренней формы) и его актуального значения (см., например, [1, р. 200]). В этом сопоставлении устанавливается сфера-источник и сфера-цель метафорического и метонимического переносов, а также последовательность активации этих механизмов. Как показал ряд исследований метафтонимических конструкций на материале английского языка [2; 3], сферой-источником метафоры не всегда выступает буквальное значение выражения, выведенное из его внутренней формы. Например, во фразеологизме (1) задействуется метафора, основанная на сопоставлении образов дуэли и перебранки футболистов во время игры: